

Эвальд РИБ

«Отец моей судьбы»

11 июля исполняется 85 лет со дня рождения Семена Григорьевича ЭЙДИНОВА — народного артиста РСФСР, заслуженного деятеля искусств РСФСР, директора музыкального училища им. М. И. Глинки, главного дирижера и художественного руководителя Государственной хоровой капеллы Магнитогорска.

«Я в вас верю»

Творческое общение с человеком, пробуждение в нем художника возможно лишь тогда, когда видишь в нем именно человека и веришь ему.

Когда-то в меня, двадцатипятилетнего молодого человека, поверил коллектив музыкального училища и, в частности, педагоги Феликс Яковлевич Форшток, Надежда Михайловна Амнуэль, Тамилла Петровна Яэс, Нина Георгиевна Кондратовская и многие другие.

Но начало было плачевным.

— Даже будь вы Паганини, — сказал директор первого музыкального училища, к которому я обратился, — все равно не приму, пока не научитесь грамотно писать.

— Война помешала, — ответил я, — мне уже...

— Я все сказал! — отрубил директор, не поднимая глаз от бумаг.

Я вышел из кабинета и впервые

почувствовал: скрипка потяжелела после экзаменов. А я на глазах у всех хоронил мечту и даже решил не возвращаться в кинотеатр, где несколько лет играл в оркестре.

Меня за руку взяла Серафима Борисовна Факторович, концертмейстер первых скрипок Челябинского симфонического оркестра:

— Вы гораздо сильнее, чем себя показываете. Идите заниматься. Завтра поедете в Магнитогорск. Там вас ждут. Я заказала билет.

Город металлургов встретил меня восходом солнца, осветившим заводские трубы и дома. Училище я разыскал без труда. В тесной канцелярии женщина спросила:

— Вы работать?

— Нет, поступать.

— Опоздали. Но я узнаю у директора.

Из кабинета вышел невысокий человек. Лоб открытый, глаза карие, внимательные, добрые. Я обрадовался: это был тот самый ди-

рижер Магнитогорской государственной хоровой капеллы Семен Григорьевич Эйдинов.

— Вы из Копейска? — спросил он. — Мне о вас говорили. Нам скрипачи нужны. Получите у завхоза раскладушку и постель.

Я даже «спасибо» проглотил от радости.

На следующее утро узнал: в училище нет педагога-скрипача. Со мной начала заниматься концертмейстер Ия Борисовна Пашина. Она переживала за каждый мой экзамен.

У меня — неудовлетворительная оценка за диктант. Несмело отправляясь к директору. А он, не дав мне собраться с мыслями, сказал:

— Берем вас кандидатом... на полгода.

Прошло сорок лет, но слова «я в вас верю» помогали, помогают, и будут мне помогать...

Здесь все родное мне кругом: дома, заводы, люди, горы. В душе моей горит цветком Магнитогорск — любимый город.

Маяковскому

Я Вам, товарищ Маяковский, решил сегодня доложить: наш сталевар магнитогорский стихами может говорить.

Вот люются строки в искрах стали и светят солнцем из ковша. В них сила рук, его печали и радости, и вся душа.

За те поэмы трудовые, что современник мой прочтет, его, как Вас, моя Россия своим поэтом назовет!

На могиле дирижера

Подарили Вы такие чувства, от которых стало всем теплей, как герой, Вы на посту искусства умирли на глазах людей.

Сердце плачет не в чужой столице, «Славься» все еще звучит в ушах... На могиле мне не помолиться рядом с солнцем, что лежит в горах

В огневой столице, где плавится металл, продолжал учиться, о чем давно мечтал.

Я узнал по лицам, что на закате дня крепко поручиться пришлось Вам за меня.

Радовались вместе, таким счастливым был. Городу я песню несмело подарил.

Понимали люди, с какой пришел тропы. Вас я не забуду, отец моей судьбы!

Песня о Магнитке

Люблю в закате золотом твою ступенчатую гору, в душе моей горит цветком Магнитогорск — любимый город.

На всю страну ты знаменит рабочей мудростью дерзая, кто был у нас, тот сохранил хорошее воспоминанье.

Отец

моей судьбы

Пять проклятых суток когда-то отсидел, скован был рассудок, заметной посыл.

Командант с презрением не раз меня встречал. Снова разрешение на выезд я не брал.

Помню — беспокойно стучала чья-то трость. Ехал, как на бойню, я в Ваш Магнитогорск.

С ног сбивала буря и застилала свет. Под комендатурой — был целых десять лет.

С детства в подозреньях. Знать, может стал врагом. Тайно вдохновенье расплывалось стихом.

Вам сказали вяло, сказали наугад: — только б не взорвал он горком или комбинат...

Автобиографический этюд

Да, мне всегда встречались прекрасные педагоги. С пяти до одиннадцати лет я занимался у талантливого скрипача-исполнителя Гофмана Генриха Викторовича. Помню — никогда не волновался на экзаменах, концертах. Когда я играл «Непрерывное движение» Боба, Генрих Викторович радовался, улыбался, что у меня в очень быстром темпе выходил прыгающий штрих.

Продолжая заниматься в музыкальном училище после большого перерыва, часто не мог сыграть то, что шутя играл в детстве. Главное — потерял пальцевое движение в правой руке. Феликс Яковлевич, мой педагог по специальности, иногда повторял:

— Если это было в детстве, — все восстановится, если же этого не было, — ваши пальцы заметно состарились, но ты трудяга, справишься.

Педагог-скрипач Эммануил Борисович Куцовский часто приезжал к родителям из Карелии. Так как он несколько лет проработал в Магнитогорском музыкальном училище, обязательно заходил на уроки к своим ученикам. Наверное, по просьбе Феликса Яковлевича появлялся и на моих уроках. Это был высокий, элегантный мужчина, с красивыми чертами лица. Заметная лысина не пряталась в редких кудряшках,

глаза большие, карие. Мне казалось, они умеют просвечивать человека. Прослушав концерт Генделя для скрипки-альта, арию Баха, он отметил, что у меня хороший теплый звук, могу стать настоящим альтистом. Но когда ни с того, ни с сего запрыгал смычок от волнения во II части концерта Генделя, опытный педагог посмотрел на меня, словно успел сделать рентгеновский снимок моей души, сказал:

— Ваши нервышки не на шутку расшатались... под комендатурой. Ваши нервы — расстроенная скрипка. Инструмент, — продолжал он, — можно быстро настроить, а чтобы снять нервность — нужны годы. Вам надо срочно влюбиться в магнитогорскую красавицу, найти побольше хороших преданных друзей, успокоиться.

И в это время зашел Семен Григорьевич Эйдинов, улыбнулся:

— РИБЕНОК уже влюблен. А что касается комендатуры, то больше отмечаться не будет.

— Правда? — обрадовался я.

— Пятьдесят шестой год — счастливый для вас! — ответил он, выходя из класса вместе с Эммануилом Борисовичем Куцовским.

Память

Все новые имена открывает нам война. И чем дальше отодвигается от нас это грозное время, тем величественней открываются значительность и драматичность этого немеркнущего события в жизни нашей страны и каждого из нас. Буква за буквой в городской «Книге Памяти» появляются новые имена. Через столько лет после гибели...

Из забвения

До мая 1996 года комитету «Памяти павших» не была известна судьба нашей землячки З. М. СЕРЕБРЯКОВОЙ, погибшей на литовской земле в августе 1944 года в городе Вилковикши. А в «Книге Памяти» она даже не была записана. Недавно мы узнали подробности, как воевала и отличилась Зинаида Серебрякова. Перед мной два номера газеты «PERGALE» («Победа») на литовском языке. Литовские эти газеты передали в комитет «Памяти павших» родственники Зинаиды Михайловны Серебряковой, а прочли мы их благодаря помощи доцента кафедры русского языка Ф. И. Никонова.

В 1979 году, как пишет в корреспонденции «Низко поклонимся» Вейруте Павловне, в городе Вилковикши в профессионально-технической школе открыли комнату боевой славы 43-й отдельной истребительной противотанковой бригады. И первая экскурсия по ней была посвящена встрече боевых друзей бригады. «Возле каждого стенда, возле каждой фотографии, возле каждого экспоната, — как пишет корреспондент, — воспоминания, вздохи, всхлипывания».

Вот на одной из групповых фотографий бойцов бригады — председатель Совета ветеранов Н. В. Белякин показал на невысокую девушку, одетую в военную гимнастерку: «Наша Зина. Она в группе воинов, спасенных ею. А сама погибла здесь, в Вилковикши».

Воздадим память минутой молчания, друзья, младшему лейтенанту медицинской службы Серебряковой, — сказал Белякин.

Кто-то из присутствующих в этот момент выразил сомнение: «Мне кажется, что она осталась жива...»

Снова повод для сомнений, несколько лет поисков, дававших иногда надежду отыскать Зинаиду. Но однажды, в августе 1984 года, на воинском кладбище в Вилковикши работник профессионально-технической школы увидел новый (только что положенный) веночек с надписью: «Зинаиде Серебряковой — от сестер». После прощания нескольких месяцев в картотеке совета бригады под № 340 был зарегистрирован адрес Зининой сестры Марии Серебряковой из Пензенской области. На запросы Белякина пришло письмо из села Старая Ежовка Пензенской области. И многое прояснилось: где и как росли четыре сестры-сироты, как ушла на фронт Зина, как она воевала.

Зина родилась в 1922 году в селе Алексеевка Варнинского района Челябинской области. «... Мы рано потеряли родителей (мама умерла в 1931 году, папа — в 1933-м). Мы, три сестры из четверых (я, Зина и Катя) воспитывались в детском доме в селе Сара Ново-Покровского района Оренбургской области, — пишет Мария Серебрякова. — Но судьбу всех связал один жизненный свет — самая старшая сестра Зина Серебрякова (теперь Петрожицкая), первоостроительница Магнитки, работница ее первых комсомольских отрядов. Она и сегодня жительница Магнитогорска».

В 1940 году Зинаида с отличием закончила Оренбургское медицинское училище. Получила направление в Пермский медицинский институт. А за учебу тогда еще нужно было платить. Немного могла помочь и старшая сестра: ее муж тоже учился, в семье рос сын. Зина вернулась в Магнитогорск и стала работать в аптеке. И здесь вдруг пришло известие о том, что она освобождена от учебы. Решила вернуться в институт на следующий год. Но мечтам не суждено было сбыться — началась война. Только в августе 1941-го года она закончила подготовку документов в Московский медицинский институт. Литовский корреспондент интересуется у Нины Михайловны Петрожицкой: «Зина — медик. А почему в ее трудовой книжке есть запись, что она работала на металлургическом комбинате?»

Оказывается, когда штат аптеки сокращался и Зину послали в Оренбург, она сказала: «Я буду там, где отливается металл фронту». И стала работать на металлургическом комбинате. А однажды пришла домой с рюкзаком и говорит: «Собираюсь на фронт». В мае 1942 года в место, где формировалась, как пишет литовская газета «танковый штит Красной Армии» — бригада истребителей танков — вместе с группой бойцов прибыла и Зина. Прибыла вместе с Николаем Чилиным, Леонидом Колосовым, Алек-

сандром Колосовым и Николаем Вартанником, как писал в своем очерке Н. Белякин (очерк этот, кстати сказать, написанный по следам «свежей солдатской правды», пролежал в редакции городской газеты 35 лет).

Полковник Гаспорян собрал офицеров своей бригады. Как пишет Белякин: «И. Г. Гаспорян долго изучал маленькую хрупкую девочку. Отческие глаза командира бригады как будто спрашивали: «А кто же тебя, малютка, и зачем призвал в армию?» Но Зина его успокоила: «Не бойтесь, товарищ командир, добровольно — во имя народа» («МР», № 123, 1985 г.).

В тот же год, в августе, в бою при древнем русском городе Козельске военный фельдшер малютка Зина одной из первых заслужила боевую награду — орден Красной Звезды.

Нина Михайловна вспоминает еще одно письмо — пишет газета «PERGALE». Это письмо от сестры Зинаиды Ивана Медякина. Вот несколько строк из него: «Таких работников, как Зина, наша санчасть уже не будет иметь. Мы все очень сожалеем: продиктовано это скорее не только лишь уважением к новому медработнику, но и истинному воину. С автоматом в руках против линии обороны Зина оставалась на боевой позиции. На белорусской земле, в Орше, она переправилась через Днепр и первая начала оказывать помощь нашим военнопленным в фашистском концлагере».

Последний свой подвиг Зина совершила в Вилковикши, в районе Вильнюсской улицы 9 августа 1944 года, когда позиции 157-й Шауляйской дивизии были внезапно атакованы фашистской танковой дивизией «Великая Германия». Десять «тигров» были сожжены артиллеристами Саенко. Но прорыв окружения не удалось. В самую трудную минуту командир полка Саенко организовал укрепление, а парторг полка Г. Ганкин призывал всех сражаться до последнего патрона.

Стояли насмерть. Раненые не покидали поле боя. Жаркий августовский день клонился к вечеру. Фашистам удалось рассеять остатки полка. Штаб полка, руководимый майором И. Тищенко, также оказался в окружении. А между штабом и командным пунктом Саенко — табачной фабрикой (теперь здесь находится типография и редакция) — в канаве прижавшиеся к земле раненые слушают команды младшего лейтенанта медицинской службы Зинаиды Серебряковой. Те, которые еще могли держать оружие, были посланы на линию обороны. Сама Зина, вооружившись автоматом и противотанковыми гранатами, перевязывала раненых. Фашистов она заметила лишь тогда, когда они уже были на самом краю канавы. Она уже заканчивала перевязку молодого бойца Володи Лобанова и еще успела, пока не сразила ее пуля, швырнуть свою последнюю гранату. Около двух десятков гитлеровцев осталось лежать возле героически погибшей младшего лейтенанта медицинской службы Зины Серебряковой.

Многие бойцы звали на фронте Зинаиду Серебрякову — Зоей. Однажды, как пишет литовская газета, во время поисков из города Серова Свердловской области пришел ответ на статью о Зое Серебряковой, опубликованную в газете «Крымская правда», от самой Зои Серебряковой — тоже фронтовика-медика. Оказывалось, что она жива и здорова, живет на Урале. Но, как выяснилось позже, она не служила в 43-й бригаде. В завершении статьи в литовской газете — фото Зины на памятнике, установленном на Братском захоронении в Вилковикши...

Вот так приоткрылась завеса безвестности. По-разному оцениваются в Литве сейчас те события. Бытует нередко остро критическое отношение к Великой Отечественной войне. Но ее участники — такие как З. М. Серебрякова и другие — разве заслужили глухое безпамятство? За Победу они отдали самое дорогое — молодость, любовь, жизнь. Война потребовала слишком больших жертв. Этот молодой перемолол миллионы жизней. Но разве виноваты в этом те, чьи имена мы пытаемся восстановить? Сохранить память о героях войны, передать молодым ее пронзительную боль — наш долг. Поэтому и ведем мы сегодня трудный поиск, чтобы вырвать их имена из забвения.

П. СПИРИН,
комитет «Памяти павших».